

КОНЦЕПЦИЯ СИЛЫ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУКТИВИЗМА

Шаповалова Александра Игоревна,

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко,
Институт международных отношений,
докторант, кандидат политических наук,
г. Киев, Украина
E-mail: alexandra.shapovalova@gmail.com

Аннотация

В докладе анализируются и развиваются базовые теоретические положения социального конструктивизма относительно концепции силы в международных отношениях. На основе данных положений предложена многоуровневая интерпретация концепции силы в приложении к внешней политике государств.

Ключевые слова:

социальный конструктивизм, сила, социальные значения и практики, социальный контекст, внешняя политика.

Для социального конструктивизма концепция силы представляет особый интерес, поскольку помещение в центр конструктивистской картины мира нематериальных, социальных и идейных элементов политической реальности обусловило необходимость в переосмыслении онтологической сущности базовых категорий теории международных отношений, в том числе категории силы – ключевой переменной, обеспечивающей динамику международных процессов.

В рамках существующих исследований представителями конструктивизма сформулирован ряд концептуальных положений относительно этой категории.

Во-первых, сила в конструктивистской интерпретации обозначает не столько способность к прямому физическому принуждению, сколько способность к построению таких социальных структур, которые позволяют закрепить и объективировать желаемые репрезентации международной среды, оказывая таким образом влияние на идентичность, мотивацию и поведение других

акторов. Как утверждает Т. Хопф, наиболее значимой в международных отношениях является та сила, которая дисциплинирует акторов, заставляя их рассматривать как возможные только те действия, которые репродуцируют соответствующие материальные и дискурсивные структуры [11, р. 199]. Конкретные определения силы в теоретических работах конструктивистов могут отличаться по своей терминологии и специфике. Так, в своей таксономии типов силы в международной политике М. Барнетт и Р. Дьювалл определяют её как продуктивную силу, то есть способность распространять те или иные субъектные свойства в рамках систем социальных значений [4, р. 43], а П. ван Хем ведёт речь о социальной силе, направленной на кооптацию, а не принуждение других акторов [9, р. 3–4].

Но, фактически, без излишней детализации, для конструктивизма сила – это способность к конструированию, поддержанию и трансформации желаемых социальных значений, феноменов и структур. Её воздействие может быть направлено

Конференц-зал

как на отдельных акторов, их внутренний контекст или внешнеполитические предпочтения [2, р. 103], так и на международную систему в целом или отдельные её географические или функциональные измерения. То есть конструктивизм не ограничивает априори уровень социальных структур, которые выступают объектами силового воздействия в международных отношениях, тем более что в большинстве случаев её применение происходит на нескольких уровнях одновременно. Ведь закрепление желаемых социальных значений на уровне системной структуры наиболее эффективно при условии их интернализации в собственный внутренний социальный контекст акторов до уровня самоочевидного восприятия, и наоборот.

Во-вторых, использование силы в конструктивистском понимании предусматривает применение отличных средств и инструментов, связанных с дискурсивным конструированием и утверждением соответствующих социальных значений [3, р. 42]. Поэтому в эмпирических исследованиях в русле конструктивизма в фокусе внимания находится идейная, дискурсивная, нормативная, трансформационная, институциональная, репрезентационная и другие «нетрадиционные» типы силы. Эти понятия, каждое из которых уже оформилось в самостоятельную политологическую концепцию, наглядно иллюстрируют палитру ресурсов, которые могут быть задействованы для конструирования желаемых международных реалий, а также круг потенциальных объектов такого конструирования.

Вполне очевидно, что способы осуществления таких нематериальных форм силы отличаются от привычных методов задействования военного или экономического потенциала. Некоторые учёные считают, что главное различие между ними заключается в степени прямого принуждения, которое может осуществляться при обращении к традиционным материальным рычагам и практически отсутствует в ходе применения нематериальных форм силового влияния, для которых свойственны опосредствованные методы, связанные с конструированием базовых для актора или системной структуры социальных значений. По этой причине, Дж. Чекель указывает на необходимость интегрировать принудительные

формы осуществления силы в конструктивистскую концептуализацию этой категории, без которых она не может считаться полной [7, р. 80]. Однако, работы других исследователей, в первую очередь, Дж. Байелли Мэттерн [5; 6], демонстрируют, что использование нематериальных типов силы может быть связано с довольно ощутимым, хотя и не физическим принуждением, объектом которого выступает не столько выживание или экономическое благополучие актора, сколько поддержание его собственной или коллективной идентичности.

В-третьих, конструктивисты рассматривают силу не как статический атрибутивный феномен, а как динамическую и контекстуально зависимую категорию. Так же, как и предпочтения акторов, сила не является внесоциальным экзогенным атрибутом акторов, наличие фиксированной «массы» которого предшествует их социальному коммуникативному взаимодействию. Вместо этого, сила предстаёт в качестве вариативной переменной в конкретных ситуациях такого взаимодействия, и поэтому представляет ценность не сама по себе, а в приложении к обстоятельствам, в которых она может быть «активирована», или к специфической форме взаимоотношений между акторами [1]. То есть трансцендентная сущность силы отрицается конструктивистами так же само, как и трансцендентная внеисторическая сущность интересов. Это не означает, что акторы не могут обладать определённым набором ресурсов до вступления во взаимодействие, но превращение этих ресурсов в силовые преимущества, которые можно использовать для генерирования желаемых политических эффектов, происходит только в соответствующем социальном контексте. Причём в качестве таких ресурсов могут выступать любые свойства или характеристики акторов. Поэтому конструктивизм не определяет заранее круг ресурсов, которые могут составлять силовой потенциал актора, и не считает возможным их априорное определение вне рамок контекста социального взаимодействия, не говоря уже о количественной оценке такого потенциала. Перефразируя знаменитое выражение А. Вендта относительно анархии в международных отношениях, сила также является тем, что акторы готовы рассматривать

Конференц-зал

в качестве силы, которая, как демонстрирует С. Гуццини, является также одной из базовых категорий политического дискурса государств [8]. Однако, вместе с тем, способность сформировать соответствующий социальный контекст, в котором собственные ресурсы становятся силовыми преимуществами, выступает в представлении конструктивизма квинтэссенцией силы в международных отношениях.

И в-четвёртых, как следует из вышесказанного, сила в конструктивистском подходе является не только субъектной, но и межсубъективной и структурной категорией одновременно [8, р. 507]. Она олицетворяет, с одной стороны, определённый потенциал в распоряжении актора, с другой, определённые ресурсы, вокруг которых в ходе взаимодействия акторов формируется и структурируется социальный контекст, а с третьей, конкретные структуры, которые возникают вследствие такой структуризации, и которые прямо или косвенно определяют силовые преимущества акторов в данном контексте. То есть, даже если актору удаётся воссоздать благоприятный для себя контекст, в котором имеющиеся у него ресурсы играют ключевую роль в структуризации межсубъективных взаимодействий, структура этого контекста начинает оказывать собственное влияние и генерировать эффекты, не всегда согласующиеся с предпочтениями данного актора. Со своей стороны, другие акторы могут воспользоваться возможностями, открываемыми сформированной структурой, для реализации собственных предпочтений.

Различая эти три онтологические уровни силы в международных отношениях, конструктивизм, фактически, доказывает, что сила имеет конструированный, а не объективный характер, и так же само, как и любой социальный конструкт, наделяется определёнными социальными значениями и ассоциируется с определёнными типами практик в рамках того или иного контекста [8, р. 516]. Однако его конструирование может происходить не только прямыми, но и опосредствованными способами. Так, например, в русле сформулированной Копенгагенской школой международных отношений теории секьюритизации, можно сказать, что дискурсивная квали-

фикация отдельных феноменов в качестве угроз собственной безопасности имплицитно указывает на наличие у них определённых силовых возможностей для нанесения критических потерь и, как правило, сопровождается очерчиванием силовых ресурсов, которыми необходимо обладать для нейтрализации таких угроз, что в совокупности конструирует представление о силе, по крайней мере, в собственном внутреннем публичном пространстве.

Это, в свою очередь, означает, что акторы имеют намного больше возможностей, по сравнению с различными структуралистскими теориями, для конструирования социальных значений, вкладываемых в понятие силы, а отсюда и для программирования социального контекста. Разумеется, это не значит, что они могут делать это произвольно, ведь действующие социальные структуры оказывают на них своё казуальное и конститутивное влияние. Но их субъектные качества в таком понимании существенно расширяются. К тому же, при таком подходе, изменению подлежит и ключевой для любых рационалистических теорий феномен баланса сил, который уже не может считаться тождественным механистическому соотношению тех или иных материальных ресурсов в распоряжении акторов, от которого автоматически и независимо от воли акторов происходит системная структура или, по крайней мере, её дистрибутивное измерение. Вместо этого, в установлении баланса ключевая роль отводится субъективному восприятию акторами определённой конфигурации взаимодействий между ними в таком качестве. Другими словами, баланс соответствует не объективному состоянию равновесия материальной мощи акторов или их групп, а коллективному согласию акторов рассматривать данную конфигурацию в качестве приемлемого баланса.

Изложенная конструктивистская концептуализация силы сама по себе, очевидно, является весьма инновационной для теории международных отношений. Тем не менее, для применения в исследовании внешней политики государств её нужно дополнить несколькими важными тезисами в контексте интерпретации взаимосвязи между предпочтениями и практическими действиями акторов.

Конференц-зал

Сила как способность к конструированию политических реалий сочетает в себе две составляющие, соответствующие компонентам этого процесса, а именно способность формулировать и утверждать социальные значения и способность воспроизводить те практики, которые с ними ассоциируются (или же не допустить воспроизведения акторами практик, которые выводятся данными значениями за рамки возможных). Первая составляющая имеет явно дискурсивную основу и, очевидно, определяется кругом самых разнообразных, иногда даже личностных факторов, поэтому установить её и дать заблаговременную оценку довольно проблематично. Но во второй своей составляющей сила приобретает более осязаемое материальное или институциональное содержание, поскольку способность государства репродуцировать необходимые практики зависит от имеющихся ресурсов или бюрократического аппарата. В этом смысле вторая составляющая, фактически, близка к традиционному утилитарному пониманию силы, свойственному для анализа внешней политики и обозначающего набор ресурсов, которые дают государству возможность совершать практические действия для реализации собственных интересов [10, р. 132], или, говоря конструктивистским языком, промежуточное звено между мотивационным и практическим уровнем внешней политики государства.

Но если взять за основу видение практического уровня внешней политики как не только произвольно определённого и инструментально ориентированного набора действий, а как комплекса практик, которые фиксируют и воспроизводят собственные и структурно заданные социальные значения, то можно сделать вывод, что сила для внешней политики государств имеет не только утилитарное, но и конститутивное качество, прежде всего потому, что она определяет его способность конструировать и поддерживать как желаемые репрезентации международного контекста, так и собственные конститутивные и идентификационные значения. То есть наряду с «экстравертным» измерением силы как способности программировать международное окружение существует и весомое «интровертное» её измерение, состоящее в способности

конструировать и поддерживать собственную субъектность и идентичность в этом окружении, а также во внутреннем социальном контексте. Об этом ведёт речь и Дж. Легро, когда утверждает, что относительная сила государства определяет то, насколько оно способно отвечать ожиданиям, генерируемым его идентичностью в глазах внутренней общественности и других акторов [12, р. 47–48]. По сути, такое «интровертное» измерение силы обозначает способность сдерживать влияние структурных факторов и сохранять свою идейную и практическую автономность благодаря воспроизведению практик, ассоциированных с собственной идентичностью независимо от того, насколько они гармонируют со структурно закреплёнными значениями или со значениями, которые стремятся закрепить другие акторы.

Обеспечение устойчивости собственной идентичности действительно представляет собой одну из важнейших задач государственной политики, что получило в конструктивистской литературе название «онтологической безопасности» [13]. Но при этом наличие стойкой, глубоко укоренённой в собственном обществе идентичности, само по себе тоже может существенно влиять на позиции государства в международном социальном контексте, составляя или значительное силовое преимущество в случае подкрепления её соответствующими практиками, или серьёзный гандикап, когда условий или ресурсов для воспроизведения данных практик недостаточно.

Представленное конструктивистское видение силы позволяет совместить в единой концепции материальные и нематериальные элементы силы в международных отношениях, а также представить механизм взаимодействия между ними. Дискурсивное генерирование желаемых социальных значений требует ресурсов для репродукции ассоциированных с ними практик. В случае, если данные практики последовательно воспроизводятся, то генерированные значения закрепляются и позволяют актору экстраполировать собственные репрезентации международной среды, что, в свою очередь, также требует практического подкрепления. Взаимодействие репрезентаций и практик различных акторов образует социальный контекст, который определяет меж-

Конференц-зал

субъективный и структурный аспекты силы. В том случае, если возможностей для воспроизведения изначально определённых практик недостаточно, это может влечь за собой или переосмысление самих значений, или ревизию ассоциированных с ними практик, или кризис идентичности государства в целом.

Для внешней политики изложенное видение имеет ряд важных импликаций, формируя многоуровневое представление о силе государства. Первый её уровень связан со способностью репродуцировать практики, ассоциированные с базовыми значениями собственной субъектности, второй – с формулированием и воспроизведением собственных конститутивных и идентификационных значений, третий – с конструированием и утверждением внешнеполитической идентичности и международной роли, и четвёртый – с программированием и объективацией желаемых репрезентаций международной системы. С одной стороны, эти уровни тесно взаимосвязаны, поскольку на всех из них конструирование силы происходит в процессе социального взаимодействия в рамках как внутреннего контекста (внутреннее качество которого тоже конструируется в этом процессе), так и в контексте международном. Но с другой, на каждом из этих уровней имеет место конструирование отличного типа силы, особенно по мере того, как размежевание внутреннего и международного контекста приобретает устойчивые формы. Причём градация между ними является прогрессирующей, потому что без обладания силой базовых первого и второго уровней нет смысла вести речь о силовых преимуществах третьего и четвёртого уровней. Связь между ними является тем более автоматической, чем более укоренённой и весомой является внешнеполитическая идентичность государства и, соответственно, чем больше поддержание её собственных конститутивных значений зависит от международной роли и статуса государства. В том случае, если собственная идентичность или даже субъектность государства во внутреннем контексте напрямую связана с утверждением определённой роли в международной среде или ассоциируется с определёнными типами внешних практик, зависимость между различными уровня-

ми силы повышается, как и влияние структурных значений международного контекста.

Для полноты полученной картины следует также отметить, что международная среда не является монолитной, а насчитывает ряд странственных и функциональных измерений, в каждом из которых образуется собственный социальный контекст и собственные силовые конструкты. Поэтому сила третьего и четвёртого уровней может «расслаиваться» в своих значениях и практиках в зависимости от круга контекстов, в которых происходит утверждение внешнеполитической идентичности государства и проекция его репрезентаций. Понятно, что чем более амбициозной является международная роль, на которую претендует государство, тем более широким будет круг контекстов, в которых ей необходимо обладать силовыми преимуществами, и тем более масштабным будет диапазон практик, которые подлежат воплощению и воспроизведению для закрепления такой роли.

Таким образом, применение положений социального конструктивизма для рассмотренная феномена силы в международных отношений позволяет преодолеть его монистическую трактовку, свойственную рационалистическим теориям, и выработать альтернативную его концептуализацию, которая, во-первых, определяет конструированный и контекстуально зависимый характер силы, во-вторых, синтезирует структурный и субъектный онтологические аспекты силы и, в-третьих, сочетает материальные и нематериальные её типы.

---

1. Бордачёв Т. Общество мирового уровня. Социальная сила государства как решающий фактор международного успеха [электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. 2012. № 1. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Obschestvo-mirovogourovnya-15457> (дата обращения 22.07.2014).

2. Adler E. Constructivism and International Relations // Handbook of International Relations / W. Carlsnaes, Th. Risse, B.A. Simmons (eds.). London: Sage Publications, 2002. P. 94–118.

3. Alden Ch., Aran A. Foreign Policy Analysis: new approaches. London: Routledge, 2012. 163 p.

4. Barnett M., Duvall R. Power in International Politics // International Organization. Winter 2005. Vol. 59, No. 1. P. 39–75.

5. Bially Mattern J. The Power Politics of Identity // European Journal of International Relations. 2001. Vol. 7, No. 3. P. 349–397.

6. Bially Mattern J. Why «Soft Power» Isn't So Soft: Representational Force and the Sociolinguistic Construction of

Конференц-зал

Attraction in World Politics // Millennium: Journal of International Studies. Vol. 33, No. 3. P. 583–612.

7. Checkel J.T. Constructivism and foreign policy // Foreign Policy: Theories, Actors, Cases / S. Smith, A. Hadfield, T. Dunne (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 71–81.

8. Guzzini S. The Concept of Power: a Constructivist Analysis // Millennium: Journal of International Studies. 2005. Vol. 33, No. 3. P. 495–521.

9. Van Ham P. Social power in international politics. Milton Park: Routledge, 2010. 257 p.

10. Hill Ch. The Changing Politics of Foreign Policy. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2003. 400 p.

11. Hopf T. The Promise of Constructivism in International Relations Theory // International Security. 1998. Vol. 23, No. 1. P. 171–200.

12. Legro J. The Plasticity of Identity under Anarchy // European Journal of International Relations. 2009. Vol. 15, No. 1. P. 37–65.

13. Mitzen J. Ontological Security in World Politics: State Identity and the Security Dilemma // European Journal of International Relations. 2006. Vol. 12, No. 6. P. 341–370.

14. Steele B.J. Ontological Security in International Relations. Self-identity and the IR state. London: Routledge, 2008. 215 p.

---

1. Bordachyov T. Obschestvo mirovogo urovnya. Social'naya sila gosudarstva kak reshayushhij faktor mezhdunarodnogo uspeha [e'lektronnyj resurs] // Rossiya v global'noj politike. 2012. № 1. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Obschestvo-mirovogo-urovnya-15457> (data obrashheniya 22.07.2014).

2. Adler E. Constructivism and International Relations // Handbook of International Relations / W. Carlsnaes, Th. Risse, B.A. Simmons (eds.). London: Sage Publications, 2002. P. 94–118.

3. Alden Ch., Aran A. Foreign Policy Analysis: new approaches. London: Routledge, 2012. 163 p.

4. Barnett M., Duvall R. Power in International Politics // International Organization. Winter 2005. Vol. 59, No. 1. P. 39–75.

5. Bially Mattern J. The Power Politics of Identity // European Journal of International Relations. 2001. Vol. 7, No. 3. P. 349–397.

6. Bially Mattern J. Why «Soft Power» Isn't So Soft: Representational Force and the Sociolinguistic Construction of Attraction in World Politics // Millennium: Journal of International Studies. Vol. 33, No. 3. P. 583–612.

7. Checkel J.T. Constructivism and foreign policy // Foreign Policy: Theories, Actors, Cases / S. Smith, A. Hadfield, T. Dunne (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 71–81.

8. Guzzini S. The Concept of Power: a Constructivist Analysis // Millennium: Journal of International Studies. 2005. Vol. 33, No. 3. P. 495–521.

9. Van Ham P. Social power in international politics. Milton Park: Routledge, 2010. 257 p.

10. Hill Ch. The Changing Politics of Foreign Policy. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2003. 400 p.

11. Hopf T. The Promise of Constructivism in International Relations Theory // International Security. 1998. Vol. 23, No. 1. P. 171–200.

12. Legro J. The Plasticity of Identity under Anarchy // European Journal of International Relations. 2009. Vol. 15, No. 1. P. 37–65.

13. Mitzen J. Ontological Security in World Politics: State Identity and the Security Dilemma // European Journal of International Relations. 2006. Vol. 12, No. 6. P. 341–370.

14. Steele B.J. Ontological Security in International Relations. Self-identity and the IR state. London: Routledge, 2008. 215 p.

THE CONCEPT OF POWER IN INTERNATIONAL RELATIONS: A SOCIAL CONSTRUCTIVIST INTERPRETATION

Shapovalova Aleksandra Igorevna,

The Kiev national university Name Taras Shevchenko,
Institute of international relations,
doctoral candidate, the candidate of political sciences,
Kiev, Ukraine,
E-mail: alexandra.shapovalova@gmail.com

Annotation

The paper analyses and further elaborates basic theoretical provisions of social constructivism regarding the concept of power in international relations. Proceeding from those provisions the author formulates a multi-level interpretation of the concept of power in relation to the foreign policy of states.

Key words:

social constructivism, power, social meanings and practices, social context, foreign policy.
